

С. М. Левин

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ И ДЕСУБСТАНТИВАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО*

Относительно сознания существуют различные обыденные интуиции. Одна из таких интуиций заключается в том, что сознание существует в виде материальной или ментальной субстанции. В статье обсуждается совместимость этой интуиции с теорией тождества сознания и мозга, функционализмом, активным экстернализмом и тезисом о возможности коллективного сознания. Делается вывод, что принятие тезиса о коллективном сознании несовместимо с субстантивирующей интуицией.

Ключевые слова: *Философия сознания, коллективное сознание, функционализм, интуиция.*

1. Введение

В данной статье мы покажем, каким образом тезис о возможности коллективного сознания помогает избавиться от субстанциальных представлений о ментальном — интуиции о том, что сознание существует в виде субстанции. В статье не предлагается новых доводов в пользу того, что коллективное сознание возможно. Ее цель — показать, что если кто-либо принимает тезис о том, что оно возможно, ему будет сложно сохранить субстантивирующую интуицию.

В начале статьи обсуждается соотношение обыденных интуиций, науки и современной философии сознания. Затем последовательно разбирается степень совместимости субстантивирующей интуиции с теорией тождества сознания и мозга, функционализмом, активным экстернализмом и тезисом о возможности коллективного сознания.

2. Интуиция и философия сознания

Предметом научного исследования могут быть знакомые и незнакомые здравому смыслу явления. Ученые могут исследовать нечто, относительно чего у среднестатистического человека нет никаких интуиций, и это нечто никак не отражено в обыденном языке. Например, может быть затруднительно указать, чему из представ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ГНФ. «Коллективные сознания», проект № 14-23-18000.

лений обычного человека соответствуют процессы, изучаемые квантовой механикой. Вместе с тем предметом научного исследования могут быть и явления знакомые и интуитивно понятные каждому. Такие явления фиксируются в обыденном языке, и здравый смысл может иметь некоторую теорию относительно данного явления. Например, большинство людей с разной степенью отчетливости представляют себе, что такое гравитация, пищеварение и сознание.

Категория обыденного не задана раз и навсегда: то, что было исключительно предметом изучения ученых, может стать обыденным и наоборот. То есть результаты научных изысканий могут проникать в сферу здравого смысла. Когда уже известные обыденные явления становятся предметом научного изучения, возможно два противоположных и множество промежуточных сценариев. В первом сценарии ученые могут предоставить некоторую теорию, которая предоставит исчерпывающее каузальное объяснение явления, с которым человек сталкивается в обыденной жизни, причем общая концепция объясняемого явления принципиально не изменится. Объяснение физиологических механизмов репродуктивных процессов млекопитающих, скорее, дополняет обыденное знание и не меняет существенное значение слов, эти процессы описывающие. Иными словами, физиолог может в деталях объяснить, за счет чего дети появляются на свет, но при этом объяснении не отрицается реальность процессов соития, вынашивания плода и, собственно, реальность детей.

Во втором сценарии в процессе научного объяснения может выясниться, что никакие наши обыденные представления о явлении не соответствуют действительности. Любимый пример сторонников элиминативного материализма — представление об эпилептических припадках как об одержимости бесам. Современное научное объяснение эпилептических припадков не оставляет в объясняемом явлении ничего из предварительно имевшихся обыденных интуиций о бесах, завладевших человеком.

Нет сомнений в том, что сознание относится к такому типу явлений, которые одновременно выступают предметом изучения науки и относительно которых у обычного человека есть сформировавшийся набор интуиций. Совокупность представлений здравого смысла о сознании получила название «народной психологии», а науки о сознании в зависимости от того, на каком его аспекте они фиксируются, называются психологией, нейронауками, когнитивными науками и др.

Задачами философии сознания сегодня оказываются описание имеющихся интуиций о сознании и разработка таких концептуальных инструментов, которые бы способствовали анализу этих интуиций. Исполнение первой задачи взяли на себя так называемые экспериментальные философы, которые при помощи социологических опросов и разнообразных психологических тестов пытаются выяснить, что, собственно, думают люди относительно содержания философских понятий, в частности сознания [1; 20]. На решение второй задачи так или иначе претендуют все философы, создавая теоретические модели сознания и конструируя разнообразные мыслительные эксперименты на эту тему.

Философы надеются, что предложенные ими теоретические модели могут стимулировать наше воображение таким образом, чтобы мы поняли значение новых

эмпирических открытий или, наоборот, осознали бесперспективность избранной исследовательской программы. Мыслительным экспериментом, призванным показать бесперспективность направления кибернетики, нацеленного на создание искусственного интеллекта, не уступающего естественному человеческому, был эксперимент Дж. Сёрла «Китайская комната» [4]. Мыслительные эксперименты и теоретические модели, помогающие понять и принять естественнонаучный взгляд на сознание, в большом количестве предлагает в своих работах Д. Деннет. Многие наши интуиции относительно сознания он считает ложными и сбивающими с толку. В числе интуиций, которое люди постепенно должны оставить позади, Деннет называет «зомби интуицию». Деннет пишет, что у каждого из нас есть «зомби интуиция», которая со временем обречена на исчезновение. Эта интуиция есть иллюзия того, что полное натуралистическое объяснение сознания обречено упускать субъективные качественные переживания и поэтому неправомерно уравнивает человека с функционально идентичным ему зомби [9].

В данной статье мы тоже говорим об одной ошибочной интуиции. В центре нашего внимания будет представление о субстанциальной природе сознания или, иными словами, о субстантивации ментального.

3. Субстантивация ментального

Термин «субстанция» в философии может пониматься двояко [21]. С одной стороны, субстанцией может называться то, что фундирует онтологию в рамках некоторой концептуальной схемы. Субстанция тогда понимается как предельное основание бытия. У атомистов таким основанием были атомы, у Беркли — восприятия, у номиналистов — отдельные вещи, у схоластических реалистов — универсалии. Любая неконвенциональная онтология будет иметь в своем реестре существующего категорию субстанции как конститутивный блок реальности.

С другой стороны, понятие субстанции можно трактовать более специфически, а именно — как один из родов сущего наряду с процессами, диспозициями, свойствами, акциденциями и т. п. Ближе всего субстанция при таком прочтении соотносится с понятиями «вещество», «вещь» и «объект». Это прочтение делает субстанцию в гораздо меньшей степени метафизически необходимой. Субстанция может раскладываться на составные части (процессы, события, факты) и не быть предельным основанием бытия или вообще исключаться из онтологии. Так, восприятия Беркли и универсалии схоластических реалистов не есть субстанция. Онтология Беркли не содержит субстанцию, понятую таким образом.

Субстантивация ментального — это представление о том, что сознание существует в виде субстанции во втором смысле: как вещество, вещь, объект. Предполагается, что индивидуальное сознание может быть экземплифицировано в физической или ментальной субстанции. Экземплификация в физическом означает, что в ряду физического сущего есть отдельные участки, которое одновременно являются и физическими, и сознательными. У тех, кто отождествляет сознание и физическое, как правило, нет сомнений в том, что в актуальном мире участком экземплификации отдельного сознания является головной мозг. Такой подход

получил название теории тождества сознания и мозга [19], а также физикализма и материализма.¹ Экземплификация сознания в ментальной субстанции означает, что сознание онтологически фундировано в особой, нередуцируемой к физическому, ментальной субстанции. Такой подход получил название субстанционального дуализма.

На наш взгляд, субстантивация сознания — это то, что объединяет и физикалистов, и дуалистов относительно сознания и отделяет их от функционалистов. Дуалисты субстантивируют сознание эксплицитно, прямо декларируя, что сознание — это особая субстанция (Декарт, Лейбниц). Учитывая объем аргументов против дуализма, субстантивация сознания в дуализме интересует нас в меньшей степени. В большей степени нас интересует субстантивация в рамках физикализма. У физикалистов субстантивация, как правило, носит, имплицитный характер. Когда Плейс или Сمارт пишут, что сознание — это состояние мозга или процесс в нем, они не говорят прямо, что сознание есть субстанция.

Насколько интуиция субстантивации (а не просто дуализм) является частью народной психологии — вопрос открытый, требующий специального изучения в рамках экспериментальной философии. Нам не попадались исследования, прямо отвечающие на этот вопрос. Тем не менее, можно смело утверждать, что среди философов эта интуиция получила широкое распространение. Плюс некоторые авторы утверждают, что данные антропологии и психологии развития свидетельствуют в пользу того, что именно дуализм является самой распространенной теорией сознания среди людей без философской подготовки и проявляется уже у детей [23. Р. 10]. А как мы понимаем, всякий дуализм предполагает субстантивацию ментального.

4. Физикализм

Предполагает ли субстантивацию ментального физикализм? Мы уже написали, что да, но эта позиция может вызвать всяческие возражения и поэтому стоит дополнительного проговаривания. Интуиция субстантивации у физикалистов становится яснее в ее противопоставлении позиции функционалистов. Мы сошлемся на статью М. Секацкой «Функционализм как научная философия сознания: почему аргумент о квалиа не может быть решающим» [3], где высказывается мысль, что физикалисты относительно сознания опираются на интуицию о том, что одна физическая система может быть функционально тождественна другой и при этом не обладать осознанием. То есть физикалисты считают, что сущность сознания не исчерпывается функциями, которые способна осуществлять физическая система, и сознание тождественно некоторому физическому состоянию мозга. Грубо говоря, в физическом мире есть участки, указав на которые, можно сказать, что там есть сознание, и быть буквально правыми.

¹ Стоит отличать физикализм и материализм как теории сознания от онтологического материализма и физикализма. Кроме специально оговоренных случаев «физикализм» в статье означает «физикализм в философии сознания».

Но каковы критерии, по которым выбирается тот или иной участок физического мира как экземплифицирующий сознание, если эти критерии не функционалистские? Для ответа на этот вопрос физикалист вынужден будет прибегнуть либо к биологическим, либо к квалитативно-феноменальным критериям. Чисто биологические критерии — сознанием обладает тот, у кого есть мозг (такой, как у здорового человека) — вряд ли можно назвать популярными сегодня, так как они кажутся чрезмерно шовинистическими и исключают возможность построения разумных машин или встречу с инопланетным разумом, имеющим кардинально отличную от нас физиологию.

Квалитативно-феноменальные критерии будут заключаться в том, что сознанием обладают такие системы, которые имеют квалитативно-феноменальный опыт. Такие критерии открывают дверь всевозможным антинатуралистическим рассуждениям о разрыве в объяснении [16], нередуцируемом субъективном опыте [18], трудной проблеме сознания [5] и т. п.

Субстантивация сознания в рамках физикализма ведет к разрыву онтологии и эпистемологии. Происходит это из-за онтологизации вопроса «Что есть сознание?», который замещается субстанциальным вопросом «Из чего состоит сознание?» Плейс различал дефинициальное «есть» (is) и «есть», используемое для выражения состава чего-либо. Поэтому фраза «сознание есть процесс в мозге» означает, что сознание состоит из процесса в мозге.² В плане существования сознание провозглашается как чисто физическое,³ однако в плане познания после отказа от «мозгового шовинизма» физикалисты вынуждены обращаться к нефизическим понятиям интроспективной феноменологии со всеми нежелательными теоретическими последствиями для физикализма.

В отличие от физикализма при функционалистском подходе разрыва между онтологией и эпистемологией сознания не возникает. Да и в общем онтологическом плане все известные функционалисты (также, как и физикалисты) признают, что мир в своем существовании описывается физикой. Однако в плане сознания они не считают, что сознание экземплифицируется в некоторой одновременно физической и ментальной субстанции, которая идентифицируется нами как таковая благодаря тому, что обладает неподдающейся функциональному описанию способностью к переживанию субъективного феноменального опыта.

5. Функционализм

Десубстантивация представлений о сознании возможна, если сознание перестает быть вещью среди других вещей, неважно — физических или ментальных. У нас есть существительное «сознание», но оно не должно указывать, пользуясь терминологией Аристотеля, на некоторую первую сущность.

² Теория тождества сознания и мозга Плейса и Смарта используется нами в качестве канонического физикализма, так именно она, на наш взгляд, является самой «чистой» и последовательной физикалистской теорией сознания. Тем не менее наши рассуждения могут быть применимы и к другим физикалистским (материалистическим) теориям сознания.

³ Провозглашение сознания биологическим не меняет сути дела, так как биологическая редукция не меняет сути дела.

Первым, кто обратил внимание на ошибку поиска сознания среди вещей и назвал ее «категориальной ошибкой», был основатель логического бихевиоризма Гилбер Райл [2]. Эта ошибка заключается в отнесении к одной логической категории предметов, которые принадлежат к принципиально разным категориям: например, отнесении к одной логической категории здания университета и самого университета. Ошибка может привести к тому, что человек будет искать университет как отдельное здание среди зданий, принадлежащих университету. Такую ошибку совершает тот, кто не знает значения слова «университет», и она легко может быть исправлена. Интерес представляют другие случаи, которые Райл описывает следующим образом: «Категориальные ошибки, имеющие теоретический интерес, суть те, которые совершаются людьми вполне компетентными в работе с понятиями, по крайней мере, в привычных для них ситуациях. И, тем не менее, в абстрактном мышлении они упорно относят эти понятия к тем логическим типам, к которым они не принадлежат» [2. С. 27].

Как раз такая ситуация и складывается вокруг проблемы сознания. Этот термин, как у же отмечалось, очевидным образом относится к классу известных и обыденных. В привычных ситуациях люди, как правило, не испытывают трудностей в описании явлений, обозначаемых этим и близким к нему понятиями. Люди легко различают смысл фраз: «потерять сознание», «прийти в сознание». Или они могут отождествлять ментальные состояния с некоторым поведением или эффективно предсказывать поведение субъекта, исходя из «интернациональной установки» [12. Р. 410]. Субстантивация сознания, тем более субстантивация в дуалистическом ключе, может не играть сколько-нибудь заметной роли в повседневных рассуждениях и проявляться только при переходе на более высокий уровень абстракции, при попытках выяснить, что же такое «сознание само по себе».

Позиция самого Райла была связана с известными затруднениями потенциального несоответствия поведения и ментальных свойств, и постепенно логический бихевиоризм вышел из моды. Теорией, в которой сознание не ассоциируется ни с какой вещью, сегодня называют функционализмом.

Функционалистский подход к сознанию означает, что сознание не есть субстанция, а есть некоторое нечеткое множество функций физической системы.⁴ Как правило, за образец такой системы берется взрослый здоровый бодрствующий человек. И вопрос о том, как мы узнаем о сознании другого, решается также через определение функциональных возможностей той или иной системы. То есть функционалистский подход к сознанию антисубстанциален и не нуждается в онтологии [1]. По большому счету то, что функционалисты в онтологическом плане функционалисты, скорее, ожидаемое совпадение, а не обязательное требование. Ведь и нефизические ангелы могут признаваться сознательными согласно функционалистским критериям.

4 Можно очень грубо выделить две основные ветви функционализма: интерпретивистский функционализм Дэниела Деннета и вычислительный Хиллари Патнема. В этой статье, рассуждая про функционализм, мы преимущественно ориентировались на интерпретивистскую ветвь функционализма.

Если функционализм действительно не субстантивирует сознание, то зачем же нам нужен тезис о возможности коллективного сознания? Дело в том, что хотя на уровне теории функционализм провозглашает тезис множественной реализации (идею о том, что сознание может быть присуще любой подходящей физической системе), не все сторонники функционализма в полной мере свободны от субстантивирующей сознание интуиции. До тех пор, пока сознание приписывается таким физическим системам, как человек, робот или даже инопланетянин, сторонников функционализма может не покидать невыраженная интуиция о том, что сознание — это нечто внутри этих систем. Может подспудно казаться, что тезис о множественной реализации сознания означает лишь то, что мыслящая, переживающая квалиа, субстанция находится внутри принципиально разных существ. А существа эти всегда пространственно ограничены непрерывной протяженностью своих тел, внутри которых скрывается недоступное внешнему наблюдению сознание.

Определение сознания через функции физической системы, если примерами таких систем являются только отдельные организмы или даже роботы, может не противоречить субстантивирующей интуиции. В таких примерах ничто, очевидно, не противоречит подспудному ощущению того, что сознание — это нечто внутри системы, несмотря на все абстрактные рассуждения о том, что сознание есть функция системы. Ведь наличие сознания по-прежнему приписывается системам, у которых, очевидно, имеется четкая граница, одевающая внешнее и внутреннее. Поверхность тела человека ограничивает доступность сознания для внешнего наблюдения, то есть может казаться, что в черепной коробке есть некое скрытое от нас сознание.

Вполне логично было бы предположить, что прогресс в нейронауках, появление в них новых, продвинутых неинвазивных методов исследования, может помочь нам избавиться от субстантивирующей интуиции. Не обнаружив в черепной коробке здорового человека никакой сознательной субстанции и не обнаружив там квалий цвета и вкуса, исследователи могли бы лишний раз убедиться в правильности именно функционалистского похода к сознанию.

Вопреки изложенному предположению, развитие нейронаук и появление неинвазивных методов исследования не избавляет от субстанциальной интуиции. Тех, кто настойчиво хочет найти мыслящую субстанцию в мозге, Деннет даже называет материалистическими картезианцами [10. Р. 256]: очевидно, имея в виду их желание обнаружить материальную ментальную субстанцию в противовес нематериальной ментальной субстанции Декарта.

Эмпирические работы, посвященные поиску нейронных коррелятов сознания, могут усиливать ожидание того, что подлинно научная теория сознания благодаря таким исследованиям вот-вот появится. Понятно, что нас ожидает открытие и объяснение все новых и новых механизмов работы мозга, но в какой момент этих открытий будет достаточно, чтобы мы сказали, что сознание объяснено натуралистически? Нам кажется, что желание открыть нечто, что окончательно объясняло бы сознание работой мозга, — это выражение подспудной тоски по ментальной субстанции, которая никак не хочет предъявлять себя ученому.

6. Активный экстернализм

Важным шагом на пути к отказу от субстантивирующих интуиций, на наш взгляд, стала теория «активного экстернализма» (*active externalism*) или «расширенного сознания» (*extended mind*) Энди Кларка и Дэвида Чалмерса [8]. Новизна их идеи заключается в том, что системой, обладающей сознанием, они предложили считать не отдельный организм или мозг, обладающий некоторым функциональным набором, а организм плюс артефакты внешней среды, которые регулярно используются для выполнения когнитивных операций. В целом, следуя функционалистской традиции, Кларк и Чалмерс просто расширяют зону применимости функционалистских критериев.

Кларк и Чалмерс показывают ограниченность представления о том, что все когнитивные ресурсы системы должны непременно находиться внутри ее границ. При помощи различных иллюстраций своей идеи они хотят показать, что когнитивные ресурсы системы могут вполне располагаться за границами «внутреннего» этой системы. Например, для того, чтобы найти некоторый адрес, мы можем полагаться на свою память, записную книжку или электронное запоминающее устройство. При условии относительной гарантированности доступа ко всем этим ресурсам они в равной степени являются элементами нашей когнитивной системы. В случае с записной книжкой и электронным устройством память человека оказывается распределена между его организмом и этими внешними приспособлениями. Про такого человека, который каждый день использует записную книжку и электронное устройство для того, чтобы, допустим, доставлять товар, мы можем сказать, что записная книжка и электронное устройство стали для него элементом механизма запоминания, без них он просто не сможет выполнять соответствующие задачи.

При обсуждении случаев вживления электронных устройств в тело человека наиболее наглядно проявляется вера в метафизический статус границы между телом и внешним миром. При современном уровне развития технологий нам легко представить сценарий, в котором электронное устройство, помогающее производить вычисления, вживлено непосредственно в черепную коробку и соединено с мозгом. В таком случае, полагаю, скептики согласятся, что это устройство становится частью когнитивной системы человека. Если это так, то тогда сложно сформулировать, в чем принципиальная метафизическая разница со случаем использования внешнего для организма электронного вычислительного устройства. Понятно, что одно устройство внутри, а другое снаружи — эту разницу мы можем указать. Однако это просто повторение: задача в том, чтобы показать, какое еще принципиальное различие мы можем обнаружить.

Можно представить ситуацию, в которой технические артефакты будут использоваться не только для решения отдельных когнитивных задач, а для выполнения всего комплекса функций, ассоциируемых с сознанием. Совершенствуя технические средства, увеличивая их число и одновременно с этим предоставляя этот технический арсенал все менее способным пользователям, мы можем добиваться все большего разрыва между функциональными возможностями человека

без технических средств и человека, обладающего соответствующими техническими средствами. Техника может использоваться человеком с ограниченными возможностями для расширения как когнитивных, так и феноменальных аспектов его сознания. Благодаря технике человек может начать слышать, видеть, считать и помнить предыдущие события. Разница может быть столь значительной, что наличие сознания у человека с ограниченными возможностями без подключенных технических систем будет вызывать сомнения. Без них он не сможет реагировать на большинство внешних раздражителей, у него будут отсутствовать способности к целерациональной деятельности, элементарным вычислениям, коммуникации и запоминанию происходящих с ним событий. При подключении к внешним техническим устройствам все эти возможности у человека проявятся. В таком случае мы вынуждены будем признать, что сознанием обладает система «человек + техника», однако сам человек с сильно ограниченными возможностями без техники сознанием не обладает.

Экранизацию этой идеи мы можем увидеть в фантастическом фильме «Робокоп» (1987), где по сценарию почти убитого бандитами полицейского по имени Алекс Мёрфи соединяют со сложным технологическим оборудованием, превращая в киборга. Даже если допустить, что Мёрфи остался бы в живых без технологических дополнений, он бы находился в перманентном вегетативном состоянии, которое как раз и характеризуется отсутствием возможности к самопроизвольной ментальной активности. То есть, сознанием обладает Робокоп (Алекс Мёрфи + техника), но не Мёрфи сам по себе. Далее несложно представить, что Робокоп устроен таким образом, что его человеческий и технологический компоненты могут работать вместе, будучи пространственно разделены. Мёрфи плавает в специальном сосуде вдали от железного тела Робокопа и взаимодействует с основными системами Робокопа (в том числе когнитивными) посредством сложных интерфейсов и радиосигналов. В этом случае, опять же, сознанием обладает Робокоп как единая система, хотя важные компоненты, управляющие этой системой, могут быть пространственно рассредоточены.

Тезис активного экстернализма, если он выдерживает выдвигаемые против него возражения, помогает смотреть на сознание как на набор функций системы, распределенной в пространстве. Кажется, что у такой системы больше нет скрытой части, где «прячется» субстанция сознания. Если калькулятор или счеты — это части нашей когнитивной системы, то процесс вычисления протекает между организмом и этими устройствами. Признание тезиса активного экстернализма заметно ослабляет субстантивирующую интуицию, так как субстанция оказывается выгнанной из привычного места обитания, «подвешенной» в воздухе или спрятанной под пальцами между человеком и вычислительными машинами. Чувствовать, что сознание где-то в голове легко, но чувствовать, что оно где-то между мной и счетами гораздо сложнее.

Тем не менее и тезис расширенного сознания оставляет лазейку для субстантивирующей интуиции. Даже если согласиться с тем, что различные инструменты могут быть элементами нашей когнитивной системы, у нас может сохраняться ощущение, что мозг человека — это центр когнитивной системы,

к которому могут присоединяться различные части, выполняющие лишь вспомогательные роли; настоящее же сознание сосредоточено в мозге. Допустимость такой подспудной интуиции возвращает нас к теоретической ситуации, описанной в предыдущем параграфе, где признание функциональной природы сознания не препятствует сохранению интуиции о том, что сознание — это некоторая вещь внутри человека.

7. Коллективное сознание

При экстерналистском подходе к сознанию субстантивация сознания затруднена, но по-прежнему возможна. Субстантивирующая сознание интуиция сохраняется до тех пор, пока при постановке вопроса о наличии сознания мы можем указать на некоторый центральный компонент системы, где якобы сосредоточено сознание.

А что, если разумная деятельность, способность к которой, согласно функционализму, и есть сознание, оказывается распределена между системами, каждая из которых в равной степени может претендовать на статус сознательной? Брюс Хьюбнер, автор книги «Макрокогнитивность» (*Macro cognition*), предлагает перенести объяснительные стратегии активного экстернализма на человеческие коллективы [14]. Если сознанием потенциально может обладать система, включающая в себя человека и технику, то сознание потенциально возможно и среди скоординировано действующих разумных субъектов. Если не считать, что сознание — это дискретная величина, которая либо есть, либо нет, то гипотеза Хьюбнера перестает казаться фантастической. Когда сознание — это объединяющее название для нечеткого множества функций, выполняемых взрослым здоровым бодрствующим организмом, то обладание сознанием становится вопросом степени. Многое из набора функций взрослого человека может выполняться коллективами людей. Даже если ни один из коллективов не сможет достичь слаженного выполнения всех функций отдельного индивида, разница между отдельным человеком и коллективом останется вопросом степени, а не принципиального метафизического различия.

Рассмотрим несколько примеров того, как отдельные когнитивные функции человека могут быть распределены между несколькими людьми.

Начнем с вычисления. Сторонники активного экстернализма могут утверждать, что счеты или калькулятор при условии их гарантированной доступности и регулярности использования являются частью единой с человеком когнитивной системы постольку, поскольку система человек + счеты способна к выполнению большего числа задач, чем просто человек. В этом примере калькулятор или счеты можно считать лишь инструментом, расширяющим возможности человека, так как сами счеты никаким когнитивными функциями не обладают. Если же вычисление равномерно распределено между несколькими людьми, то это делает затруднительным определение центра вычислений.

Существуют примеры того, как акты принятия решения и репрезентации распределяются в коллективах так, что ни одному из членов коллектива нельзя приписать ни решение, ни имеющееся у коллектива представление о внешней среде.

Книга Филиппа Пети и Кристиана Листа «Групповой агент» наполнена реальными и воображаемыми примерами коллективных действий и решений, которые не совпадают по своему содержанию с намерениями ни одного из членов этих коллективов. Причем эти несовпадения не являются случайными ошибками на стадии претворения решения в жизнь. Разница между тем, чего хотят отдельные члены коллектива и тем, что решает коллектив, детерминирована процедурой принятия решения. Так, в честном голосовании при определенных условиях может побеждать кандидатура, которая не нравится вообще ни одному из голосующих [17. Р. 41–47].

Группы могут обладать репрезентациями, которыми не обладает ни один из их членов. В статье «Видим ли мы то, что мы видим? Рассмотрение аргумента против коллективной репрезентации» [13. Р. 105] Хюбнер доказывает несостоятельность аргумента о том, что постулирование коллективной репрезентации излишне, так как любая коллективная репрезентация сводится к набору репрезентаций индивидуальных. Хюбнер пишет, что во многих случаях коллективы имеют такие представления о мире, которых нет ни у одного из их членов. Так, навигация современного корабля — это результат слаженной работы членов экипажа, каждый из которых не знает точного местоположения корабля; тем не менее, корабль может проходить маршрут с потрясающей точностью. Еще раз: никто на корабле точно не знает, где они находятся, но при этом сам корабль, как связка технических средств и команды, плывет так, как будто ему прекрасно известно собственное местоположение.

Раз функции некоторых отделов мозга можно распределить между человеком и внешними техническими средствами, то эти же функции можно распределить между разными людьми. Почему бы не представить ситуацию, в которой между группой индивидов распределены все когнитивные функции отдельного человека? Может ли субстантивирующая интуиция сохраниться, если сознание приписывается системе, отдельные компоненты, которой тоже наделены сознанием? То есть совместима ли субстантивирующая интуиция и тезис о возможности коллективного сознания?

Тезис коллективного сознания — приписывания ментальных свойств группе разумных индивидов — давно потерял свою привлекательность в глазах философов [24. Р. 13–14], ассоциируется преимущественно с немецким идеализмом и до последнего времени редко удавался серьезной научной дискуссии. Насколько бы не была успешна та или иная группа, на какие бы действия она не была способна, многие современные философы считают, что наличие ума или сознания у группы в целом, а не у ее отдельных представителей — это метафизический абсурд.

Некоторую уступку могут сделать социальные онтологи (Брэтмэн [7], Сёрл [22], Туомела [25]), исследующие онтологический статус коллективных действий. Они признают, что нам может быть удобно или полезно рассматривать некоторые коллективы и организации так, как будто у них есть желания и стремления. При этом ни в коем случае не допускается, что у коллектива или организации «на самом деле» могут быть восприятия, желания или стремления. Появление координации коллективного субъекта они будут объяснять, исходя из принципов

«методологического индивидуализма» [22. Р. 47]. Согласно этому принципу, сознание — исключительно индивидуальный феномен, а всякая коллективная интенция — это особый вид интенций отдельных индивидов.

Коллективное сознание представлялось философам настолько невероятным, что если из основоположений некоторой теории сознания можно было вывести допущение коллективного сознания, то такое допущение использовалось как критический довод против верности такой теории. Например, мыслительный эксперимент «Китайский мозг» Неда Блока был призван показать проблематичность функционалистской теории сознания, так как последняя допускает реализацию ментального на любом носителе, в том числе и разумных индивидах [6]. Аргумент Блока может быть реконструирован в форме рассуждения от противного:

- (1) Если функционализм верен, то коллективное сознание возможно.
- (2) Коллективное сознание невозможно.
- (3) Следовательно, функционализм ложен.

При этом посылка (2) никак не обосновывается в статье Блока. Он просто говорит, что очевидно, что в представленном мной мысленном эксперименте у китайской нации нет сознания. Нед Блок в качестве довода использует отсылку к своей интуиции о невозможности наличия сознания у группы разумных индивидов. Исследования по экспериментальной философии на эту тему могут быть интерпретированы таким образом, что интуиция Блока об очевидной невозможности коллективного сознания не имеет универсального и кросс-культурного характера [15]. Тем не менее из статьи Неда Блока мы знаем, что эта интуиция есть как минимум у одного человека — у самого Блока.

Вполне может оказаться так, что интуиция Блока — это лишь еще один предрассудок, который может быть отброшен после пристального концептуального анализа или столкновения с данными эмпирических исследований. К тому же среди источников этого предрассудка может оказаться уже знакомая нам субстантивирующая интуиция. Блок подспудно хочет обнаружить в мире вещь, вещество или объект, которые являются сознательными, поэтому одновременное признание тезиса коллективного сознания и сохранение субстантивирующей интуиции привело бы его к весьма подозрительным выводам. Пришлось бы признать, что некая недостижимая для наблюдения ментальная субстанция управляет коллективами и, в отличие от субстанции внутри отдельных индивидов, у нас нет никакой надежды исследовать эту субстанцию естественнонаучными методами.

Несовместимость субстантивирующей интуиции и тезиса коллективного сознания, возможно, и есть один из источников активного неприятия тезиса о коллективном сознании. Людям (не только Блоку) кажется, что тезис коллективного сознания допускает существование отдельной «парящей в воздухе» ментальной субстанции, не привязанной ни к какому отдельному мозгу. Тезис о возможности коллективного сознания ставит носителя субстантивирующей интуиции перед сложной задачей. Нужно указать на субстанцию, которая является сознательной, и указать на место обитания этой субстанции. При этом все варианты пристанища субстанции коллективного сознания кажутся неприемлемыми.

Поместить субстанцию между индивидуумами нельзя, так как это слишком похоже на идеализм а-ля Гегель. Распределять же мыслящую субстанцию между членами коллектива тоже кажется неправдоподобным, так как коллективному сознанию может быть известно то, что не принадлежит осознаниям отдельных индивидов.

8. Выводы

Натуралистический подход к исследованию сознания сегодня, очевидно, является точкой консенсуса. Большинство исследователей согласится с тем, что сознание, чем бы оно ни было, встраивается в естественный порядок вещей и может быть изучено при помощи стандартных научных процедур. Среди теорий сознания идет спор за звание самой натуралистической теории, а обвинение в антинатурализме является одним из критических доводов против той или иной теории.

Роль натуралистически ориентированных философов сознания сегодня заключается в том числе и в том, чтобы идентифицировать антинатуралистические интуиции как таковые и предложить соответствующую концептуальную терапию. Субстантивирующая сознание интуиция, на наш взгляд, является одной из таких антинатуралистических интуиций, а концептуальным средством, показывающим ее несостоятельность, оказывается тезис о коллективных сознаниях, сторонники которого используют объяснительные стратегии функционализма и активного экстернализма применительно к действиям групп разумных индивидуумов.

Литература

1. Иванов Д. В. Функционализм. Метафизика без онтологии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 2.
2. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999.
3. Секацкая М. А. Функционализм как научная философия сознания: почему аргумент о квалиа не может быть решающим // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 143–152.
4. Сирл Дж. Разум, мозг и программы // Глаз разума / под ред. Хофштадера Д., Деннета Д. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 314–331.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М: УРСС, 2013.
6. Block N. Troubles with Functionalism // Minnesota Studies in The Philosophy of Science. 1978. № 9. P. 261–325.
7. Bratman M. E. Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together. New York: Oxford University Press, 2014.
8. Clark A. and Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. № 1. P. 7–19.
9. Dennett D. The Zombic Hunch: Extinction of an Intuition // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2001. Vol. 48. P. 27–43.
10. Dennett D. C. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991.
11. Fiala B., Arico A. & Nichols S. On the Psychological Origins of Dualism: Dual-process Cognition and the Explanatory Gap // Creating Consilience: Issues and Case Studies

- in the Integration of the Sciences and Humanities / ed. by Slingerland E., Collard M. New York: Oxford University Press, 2011.
12. *Hodge K.* Descartes Mistake: How Afterlife Beliefs Challenge the Assumption that Humans are Intuitive Cartesian Dualists // *Journal of Cognition and Culture*. 2008. № 8. P. 387–415.
 13. *Huebner B.* Do You See What We See? An Investigation of an Argument Against Collective Representation // *Philosophical Psychology*. 2008. № 1. P. 91–112.
 14. *Huebner B.* *Macrocognition. A Theory of Distributed Minds and Collective Intentionality*. New York: Oxford University Press, 2014.
 15. *Huebner B., Bruno M., Sarkissian H.* What Does the Nation of China Think About Phenomenal States? // *Review of Philosophy and Psychology*. 2010. № 2. P. 225–243.
 16. *Levine J.* Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983. № 64. P. 354–361.
 17. *List C., Pettit P.* *Group Agency. The Possibility, Design, and Status of Corporate Agents*. New York: Oxford University Press, 2011.
 18. *Nagel T.* What is it Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. Vol. 83. P. 435–450.
 19. *Place U. T.* Is Consciousness a Brain Process? // *British Journal of Psychology*. 1956. Vol. 47. P. 44–50.
 20. *Preston J. L., Ritter R. S., Hepler J.* Neuroscience and the Soul: Competing Explanations for the Human Experience // *Cognition*. 2013. № 1. P. 31–37.
 21. *Robinson H.* Substance // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Spring 2014 Edition / ed. by Edward N. Zalta // URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/substance/> (дата обращения: 01.11.2014)
 22. *Searle J. R.* *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*, Oxford: Oxford University Press. 2010.
 23. *Segal G.* Poverty of Stimulus Arguments Concerning Language and Folk Psychology // *The Innate Mind: Foundations and the Future*. Volume 3 / ed. by Carruthers P., Laurence S., Stich S. New York: Oxford University Press, 2007. P. 90–105.
 24. *Tuomela R.* Who Is Afraid of Group Agents and Group Minds? // *The Background of Social Reality* / ed. by Schmitz M., Kobow B., Schmid H. B. New York: Springer. 2013. P. 13–35.
 25. *Tuomela R.* *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. New York: Oxford University Press, 2013.